

ОЧЕРК «ЧЕ-ЧЕ-О». СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АВАНТЕКСТА

Алейников О. Ю.

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется насущной потребностью изучения литературного наследия А. Платонова, многочисленных проблем, связанных с теорией и практикой научного комментирования его произведений в свете новейших публикаций, источниковедческих открытий, текстологических и биографических фактов. Особое значение для телеологии стиля писателя и характерной для его творчества «поэтики возвращения» (термин Н. М. Малыгиной) приобретают произведения, созданные в переходные эпохи. Стратегии «письма» А. Платонова-художника и публициста, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., реализованные в имплицитной и открытой полемике с эстетическими декларациями, догматическими пропагандистскими установками, в современной науке постигаются разными способами, в том числе в ходе анализа семантических ресурсов, заложенных в рукописях.

В статье изучается специфика актуализации, отбора, осмысления, эдиционной репрезентации креативных и сематических ресурсов авантекста на примере очерка «Че-Че-О», опубликованного А. Платоновым совместно с Б. Пилюняком в редакции «перемонтированной», существенно отличавшейся от первоначальной. Новизна статьи определяется предложенным подходом к объекту исследования. Выясняется аксиологическая роль автобиографического дискурса для формирования авантекста и значение «воронежского текста» для реализации окончательного замысла. Уточняются линии творческого притяжения, благодаря которым стало возможно сотрудничество писателей, понимавших по-своему природу очеркизма, использовавших разный арсенал композиционных приемов. В исследовании выявляются важнейшие составляющие творческого замысла, рассматриваются переосмысленные А. Платоновым источники, в том числе труды А. Богданова, изучаются разнообразие и многовекторность дискурсивных практик, сравниваются семантически значимые эпизоды, представленные в рукописи и в опубликованном тексте, анализируются интертекстуальные связи и их роль в разных редакциях произведения.

Ключевые слова: литературное наследие; Андрей Платонов; очерк; авантекст.

THE ESSAY “CHE-CHE-O”: SEMANTIC RESOURCES OF THE AVANTEXT

Oleg Yu. Aleynikov

Voronezh State University (Voronezh, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

Abstract. The urgency of the research topic can be attributed to the acute need to study the literary heritage of A. Platonov and numerous problems related to the theory and practice of scientific interpretation of his works in the light of the latest publications, source discoveries and textual and biographical facts. Of particular importance for the teleology of the writer's style and the ultra-textual “poetics of revisiting” characteristic of his writing (the term coined by N. M. Malygina) are the works created in transition epochs. The strategies of A. Platonov's writing as an artist and publicist, realized in the late 1920s – early 1930s in an implicit and open polemic with aesthetic declarations and dogmatic propaganda aims, in modern science are interpreted in various ways, including analysis of the semantic resources inherent in the avanttexts.

The article deals with the specific features of actualization, selection, comprehension, and editing representation of creative and semantic resources of avanttext on the example of the essay “Che-Che-O”, published by A. Platonov in collaboration with B. Pilnyak in a “reassembled” edition, which significantly differed from the original one. The novelty of the article is determined by the proposed approach to the object of research. The study reveals the axiological role of autobiographical discourse for the formation of the avanttext and the significance of the “Voronezh text” for the implementation of the final plan. It also discovers the lines of creative attraction, due to which writers with different understanding of the nature of essay writing and possessing personally specific

composition techniques could cooperate. The study identifies the most important components of the creative idea, examines the sources reinterpreted by A. Platonov, including the works of A. Bogdanov, investigates the variety and multi-vector nature of discursive practices, compares the semantically significant episodes presented in the original manuscript and in the published text, and analyzes the intertextual connections and their role in different editions of the work.

Key words: literary heritage, Andrey Platonov, essay, avantext.

Для цитирования: Алейников, О. Ю. Очерк «Че-Че-О». Семантические ресурсы авантекста / О. Ю. Алейников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 56–66. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-04.

For citation: Aleynikov, O. Yu. (2021). The Essay "Che-Che-O": Semantic Resources of the Avantext. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 56–66. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-04.

В 1988 году Мария Андреевна Платонова согласилась напечатать «Областные организационно-философские очерки» в третьем номере журнала «Молодой коммунист» по рукописи, сохранившейся в семейном архиве. Публикация напомнила о событиях лета 1928 г., когда Платонов приступил к работе над очерком, но лишь в декабре, после долгих согласований и возражений, текст, «перемонтированный» и отредактированный Б. Пильняком, был опубликован в «Новом мире» под названием «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

Несколько волн ожесточенной критики, направленной против авторов произведения, драматично отложились в творческой биографии А. Платонова.

Поставленные в очерке проблемы были созвучны «чевенгурским», но – в соответствии с природой «оперативного жанра» – они касались событий, происходивших летом 1928 года – районирования, не учитывающего исторически сложившихся границ регионов, неудачных хлебозаготовок, чрезвычайных мер, предпринятых для сбора зерна, активизации борьбы с «внутренним и внешним врагом». Об усилении классовой борьбы в современных условиях говорилось в сталинской статье «Против опошления лозунга самокритики» («Правда». 1928. 26 июня). 9 июля того же года в речи на пленуме ВКП(б) «Об индустриализации и хлебной проблеме» Сталин выдвинул лозунг обострения классовой борьбы в период построения социализма [Сталин 1955: 157–187].

Актуальные партийные постановления отразились в речи персонажей очерка, где

упоминались «враги на шахтах», «полоса самокритики» и т. п., однако платоновские «опытные мастеровые», говорящие эмоционально и образно, официальную пропаганду понимали по-своему. Бывший крестьянин, «Филипп Павлович показал газету, там нарисованы были два пролетарских сапога, которые хотели растоптать попа и толстого лавочника.

– Не понимаешь? – сказал Филипп Павлович. – Поп, – ну, какой он нам нынче враг? – соринка! Лавочник, – да его и давить-то нечего: открой лишний кооператив, и лавочнику – гробик еловый!.. Другие враги теперь родились, вон, например, на шахтах и еще в прочих губерниях» [Платонов, Пильняк 1928: 256].

Федор Федорович, «ветеран железнодорожных мастерских», указывал на истинные причины генеральной административной реорганизации, объявленной строительством новой жизни, и подсказывал альтернативы: «При диктатуре пролетарятам, я так полагаю, при советской власти дорог бояться не надо. К социализму надо идти – по пути трудному, а которые себя облегчают в дороге, – грош тому цена. При пролетарской диктатуре всякие организации есть дело второстепенное и низкое. Первостепенно надо: делать вещи, покорять природу и – самое главное – искать дороги друг ко другу. Дружество и есть коммунизм. Он есть как бы напряженное сочувствие между людьми» [Платонов, Пильняк 1928: 255].

В рукописной редакции к этим выводам приходил рассказчик, выстраивая свои рассуждения по ассоциации с тем, что видит в губернском городе, ставшем областным центром. Но литературную критику не интере-

совали «неудобные факты». Непримиимой была позиция журнала «На литературном посту», обвинившего Б. Пильняка и А. Платонова в создании «памфлета против социалистического строительства» [<Передовая> 1929: 4]. В том же номере журнала обозреватель, скрывшийся за инициалами, писал о «пагубном» влиянии на Платонова создателя «Голого года»: «Весь очерк занят рассуждениями Федора Федоровича или самих авторов, тоже недалеко от своего «философа» ушедших. <...> Картина получается достаточно ясная. Мы думаем, что Федор Федорович, несмотря на свое засвидетельствованное писателями сугубо рабочее происхождение, выявляет не нестроения той или иной группы пролетариата, а, в сущности, реакционные настроения некоторых иных социальных групп. И происхождение у него, быть может, не столько социальное, сколько литературное... В бытовом плане он очень походит на рабочих-чудаков, влюбленных в машину и чуждых общественности, показанных в рассказах Платонова, а по своим высказываниям в этом очерке (кстати сказать, без сотрудничества Пильняка рабочие Платонова говорили совсем иные вещи) Федор Федорович показывает хорошее знакомство с некоторыми произведениями и выступлениями Б. Пильняка» [Н. Н. 1929: 69].

О «школе Пильняка» говорил еще Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» (1924). После выхода «Че-Че-О» В. Ермилов охарактеризовал «школу Пильняка» как идеологически вредное явление, усмотрев в интересе прозаика к творчеству молодых писателей стремление создать группу, враждебную социализму: «К этой школе следует причислить молодого писателя А. Новикова, напечатавшего во 2-й книжке „Красной нови“ за текущий год сатирическую повесть „Происхождение туманностей“. <...> Андрей Новиков в <...> повести выступает как органический продолжатель того дела, которое начато Пильняком <...> в его очерке о Ц. Ч. О., написанном совместно с А. Платоновым <...> Огромная, напряженная и труднейшая работа по районированию, являющаяся не чем иным, как работой по социалистическому строительству, представлена авторами очерка <...> как бюрократическая вакханалия организационного безумия,

душащего личность, – но здесь, в связи с участием в очерке А. Платонова, центральный образ конкретизируется как образ душевного русского „мастерового“ с чертами мещанского добродушного анархизма, – образ, кстати сказать, вообще характерный для творчества Платонова (несомненно, очень одаренного молодого писателя, для которого – в отличие от других молодых писателей – его сотрудничество с Пильняком было, по всей видимости, лишь кратковременным эпизодом» [Ермилов 1929: 67].

«Миф об ученичестве Платонова у Пильняка» [Малыгина 2018: 103] – спустя много лет – освещался в специальной литературе. Согласимся с тем, что «прикосновение художника к произведениям писателя-современника всегда исполнено смысла» [Свительский 1976: 23]. Имеют значение взаимоприятие, полемика, взаимовлияние [Малыгина 2016: 95–115; Анпилова 2019: 154–155].

Работа Б. Пильняка в соавторстве с А. Платоновым едва ли была вызвана случайным стечением биографических и житейских обстоятельств: «Подпись старшего товарища под «Че-Че-О» говорит об известной солидарности во взглядах, о единстве оценок в тот момент» [Свительский 1998: 38]. В платоновском творчестве автора «Голого года», очевидно, привлекали незаемное знание провинциальной жизни, стремление вглядываться в современность с «позиций Большого времени» [Хрящева 1998: 167–225]. Опыт А. Платонова, соединявшего в повествовании о поездке в родной город интонации проблемно-познавательного, мемуарно-биографического и путевого очерка, философского эссе и фельетона, мог заинтересовать старшего по возрасту писателя не только возможностями композиции, но и новым пониманием очеркизма – разновекторной дискурсивностью, охватывающей газетные лозунги и авторскую «осердеченную» публицистику, «откровения» советских госслужащих и афористически звучащие высказывания воронежских рабочих – казенные слова и «живые свидетельства», услышать которые в жизни и воспроизвести в пространстве публицистического текста удавалось немногим участникам литературного процесса.

Б. Пильняк, признанный «одним из самых талантливых писателей» советской России,

не часто становился объектом критики в изданиях «попутчиков». Но в 1927 году В. Полонский напечатал в «Новом мире» статью «Шахматы без короля (О Пильняке)» – одну из лучших своих работ по глубине анализа стиля и поэтики писателя, неопровержимой точности замечаний. Он приветствовал появление у Б. Пильняка книги о «настоящей, а не сочиненной русской земле» [Полонский 1988: 147]. Однако в 1928 году (и позже) за грубые фактические ошибки, сделанные в очерках «Красное Соромово» (Новый мир. 1928. № 7) и «Сясьский комбинат» (Известия. 1928. № 64), Б. Пильняка критиковали, невзирая на былые заслуги [Воловник 1928: 7]. Автор книги «Россия в полете» экспериментировал, стремясь понять, каким может быть современный очерк. Повествование о поездке в Центрально-Черноземную область, заострившее несовпадения между начерченной на бумаге территорией и непридуманной черноземной землей Придонья, отвечало «тактическим» и творческим планам прозаика, продолжавшего искать «ключи» «к русской действительности» [Полонский 1988: 147] и к новой манере письма.

Заголовочный комплекс. В наши дни одной из недостаточно отрефлексированных исследовательских задач является изучение семантических ресурсов «авантекста» (это понятие, предложенное в 1970-е годы сторонниками генетической критики, в ряде современных работ используется «вне исследовательской идеологии этой школы» [Вьюгин 2009: 569]). Под авантекстом понимается рукопись, раскрывающая формирование и специфику авторского замысла. По свидетельству А. Платонова, именно с рукописным источником работал его соавтор: «Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по моей рукописи» [Платонов 1929: 14 окт.].

В редакции, опубликованной в «Новом мире», сохранен подзаголовок «Областные организационно-философские очерки», перенятый из авантекста. Вступая в диссонанс с «просторечным» «Че-Че-О», «научнообразная» конкретизация названия подсказывает важнейшую составляющую замысла – «сатирическую иронию, набирающую силу» в произведении [Свительский 1998: 39].

А. Платонов дорожил стилистической «несогласованностью», выявляющей противоречия между реальностью и умозрительным ее восприятием. Показательно, что в заголовочном комплексе и в повествовании очерка откликаются идеи и формулировки экономиста и философа А. А. Богданова (1873–1928), создателя и пропагандиста «организационной философии» и «всеобщей организационной науки» – «тектологии» [Богданов 2003: 117, 112]. «Очерки организационной науки» выходили в журнале «Пролетарская культура» за 1919–1921 годы (№ 7–20) – тогда А. Платонов, публицист и начинающий прозаик, зачитывался работами ученого.

Отголоски богдановских идей различимы и в более поздних произведениях писателя [Толстая-Сегал 1994: 53–56]. В очерке «Че-Че-О» на это указывает подзаголовок, созвучный «организационной философии». В авантексте – название. Ряд положений «Тектологии», оперировавшей статистическим, обобщающе-описательным и абстрактно-аналитическим методами, в «Областных организационно-философских очерках» вовлекаются в полемический контекст. Распространяя свою теорию на естественные и гуманитарные науки, А. А. Богданов считал, что тектологические обобщения «должны отвлекаться от конкретности элементов, скрывать эту конкретность под безразличными символами» [Богданов 1989: 128].

В платоновской рукописи эти умозаключения переосмыслены: «Смутили меня те, которым необходим отдых, – это были не рабочие и не средние служащие, а явный бюрократический актив, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трупы в страны, не для него завоеванные. Целиком возможно, что это лишь правда моего вагона, а не всеобщая горестная истина. Но не нужно увлекаться той правдой, о которой можно сказать, что она существует лишь в „общем и целом“, а руками и очами ее проверить нельзя. „Общая и целая“ – это среднеарифметическая правда, меня же интересует исключительно насущная и конкретная» [Платонов 2020: 7].

Полемические отношения между «прежним» и «новым» знанием, спор рассказчика с возможными «оппонентами» о «среднеа-

рифметической правде» отсутствуют в редакции, опубликованной «Новым миром». Исполненные сарказма рассуждения о «правде моего вагона» в «Че-Че-О» трансформируются в повествование, маркированное ироническими аттестациями и комическими деталями: «Наглядным опытом, через окна вагонов, знал Федор Федорович, что еще с самой ранней весны, почти сейчас же после снега, самый главный пассажир, который едет мимо Воронежа на Кавказ, есть – отдыхающий. Уверял Федор Федорович, что эти нарицательно называемые отдыхающие, едущие по курортам, ни есть ни рабочие, ни средние служащие, а явный бюрократический актив, вооруженный секретареподобными женами или женоподобными секретарями, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трущобы в страны, не им и не для него завоеванные в 1920 году» [Платонов, Пильняк 1928: 252].

В «Тектологии» А. А. Богданова важное место отводилось «подвижному равновесию систем»: «Всякая организованная система, – утверждал ученый, – в том числе <...> организация общества сохраняется постольку, поскольку ее затраты и потери энергии уравниваются усвоением энергии извне; а расти и развиваться может, естественно, лишь постольку, поскольку первые перевешиваются вторыми [Богданов 1989: 260].

Иронизируя над «организационной силой», прибывающей в областной центр, платоновский рассказчик соотносит происходящее с этой теорией: «Уже на платформе вокзала чувствовалось некое напряжение, явно сверх губернского масштаба. Ничего еще не было видно, дома стояли прежние, площадь двух колосьев не давала трех, а люди уже авансом тратили свою энергию, надеясь на увеличение урожая от слияния четырех губерний в монолитное тело области. Ничего еще не было, а уж организационная сила была» [Платонов 2020: 15].

Судьба идей А. А. Богданова, скончавшегося в 1928 году, не обойдена вниманием в рукописи и в отредактированном тексте. Слово «равновесие», знаковое для теории ученого, вместе с сигаретами навязывает собеседникам «полный москвич» (в отредактированном тексте – «величественный москвич»), возвра-

жая против наступившей «полосы самокритики» «сверху донизу, снизу доверху»: «Мы никак не привыкнем к равновесию... Я бы сейчас главным лозунгом объявил равновесие мероприятий. А то посмотрите, что выходит – не самокритика, а самобичевание...» [Платонов 2020: 11].

В дальнейшем повествовании слово «равновесие», перенятое у автора «Тектологии», утратив свое терминологическое значение, используется как «резолуция на все беды» [Платонов 2020: 11, 12], (в опубликованной редакции – как резолуция «на все местные беды» [Платонов, Пильняк 1928: 254]). Таким образом сформулирован итог демагогических манипуляций с плодами «организационной философии», увлекавшей А. Платонова в разные годы.

Говоря об источниках названия очерка, отметим, что у ЦЧО и Че-Че-О был более благозвучный дореволюционный аналог: Центральная Черноземная область, охватывающая Калужскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии. Об этой части страны с указанием рубежей губерний подробно рассказывалось в популярной серии «Живописная Россия», выходявшей в 1881–1901 годах как бесплатное приложение к столичному журналу «Новь» [Живописная Россия 1900]. В императорской России Центральная Черноземная область – это географическое, историческое, экономическое, этнографическое, а не административное понятие, появление которого в советском лексиконе сопровождалось изменением очерченных прежде границ, ставших непривычными для жителей губерний, расположенных севернее и западнее учрежденного территориального образования. Новые «реалии» иронично обыгрываются в эпизоде с архивариусом, сокращенным в одном из рязанских уездов:

«– Говорят, здесь сразу кончаются суглинки и подзолы и начинается сплошная чернота почвы, то будто и есть че-че-о.

– Какая че-че-о?

– Ну, стало быть, черноземная область: говорят – она больше Англии и чуть меньше европейских держав, а вот межи никак не видно, а на плане я сам видел ровную черту» [Платонов 2020: 8].

В напечатанном тексте «этимология» и реальный смысл названия становятся предметом специального разъяснения: «Надо объяснить заглавие организационно-философских наших очерков. Были мы, изучали мы в ЦЧО – в Центральной Черноземной Области, вновь организующейся. ЧЕ-ЧЕ-О по воронежскому говору выговорить трудно, – говорят ЧЕ-ЧЕ-О» [Платонов, Пильняк 1928: 249].

Сделаны эти уточнения явно по инициативе Б. Пильняка, отстранившегося от местного «говора». В опубликованной редакции эпизод о поиске границ «этой ЧЕ-ЧЕ-О» был сохранен, но значительно перемещен от начала действия.

Поиск целесообразности и здравого смысла.

С первых же слов в платоновской рукописи не принимается легковесный очеркизм. Авторская ирония распространяется на «сочинителей», соединявших социальную проблематику с описанием красот природы: «Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунаешься в травяную русскую природу и в советские массы. Я того не чувствовал – мне отовсюду грустно уезжать, везде, на любом географическом месте, в жизнь и в людей ввязываешься сердцем и отвязываться нет желаний» [Платонов 2020: 7].

И далее высмеиваются нелепые приемы – метафора, передающая яркий свет летнего солнца, подбирается на языке электрика, а уборочные работы, мелькающие за окном, показаны глазами «человека пишущего» – чиновника, далекого от забот аграриев и воспринимающего увиденное в соответствии со своими профессиональными привычками: «Солнце освещало мир, как электричество служебную залу, где люди, по убеждению ряжского архивариуса, должны находиться в служебном состоянии. Он глядел на огороды – там земледельцы сидели на корточках и что-то быстро перебирали руками, словно листовали дело в канцелярии» [Платонов 2020: 8].

Дискурс «разъездных корреспонденций» пародировался А. Платоновым двумя годами ранее в статье «Фабрика литература»: «Бродит этот человек чужеземцем по заводам, осматривает электрические централи, ужасается обычному, близорукий на невнятно великое, потом пишет сантиментально, преувеличенно, лживо, мучаясь и стеная о виденных кро-

хах и ошурках жизни, сознавая потенциальное существование больших караваев высокой питательности. Получаются разъездные корреспонденции, а не художество. Получается субъективное философствование „по поводу“, а не сечение живого по „АВ“ с проекцией плоскости сечения в неминуемую судьбу этого „живого“ <...>» [Платонов 2011: 46].

В «Областных организационно-философских очерках» у рассказчика, внимательного к «убыточной правде» и причинам оскудения жизни, «субъективное философствование» подчинено поиску целесообразности и здравого смысла (в этом состояла главная задача поездки, а не в «изучении бюрократизма ЦЧО и ознакомление с массами»), как будет дописано при переделке произведения к печати) [Платонов, Пильняк 1928: 249].

Формальным «поводом» для размышлений об идущем на юг составе, простоявшем на станции дольше, чем требуется, о «старых паровозных машинистах», лишь «по виду небрежных», но хорошо знающих, что «машина не терпит к себе неопределенных любительских отношений», является ускорение хода движения: «машинист, поскучав на ненужных стоянках, гнал поезд по равномерных равнинах к той узловой станции, где предстоит смена паровозной бригады» [Платонов 2020: 9].

Однако, если учесть контекст повествования, смысл рассуждений рассказчика значительно превышает само «событие»: «под колесами поезда проскакивали границы губерний, уездов, райвиков, распространения власти сельсоветов, районы тяготения к ссыпунктам и элеваторам, сферы уполномоченных по расширению площади посевов сахарной свеклы, наконец, различные профсоюзные линии, разграничивающие скрещивающиеся влияния райкомов, райуполномоченных, разъездных инструкторов и прочих деятелей, организующих труд» [Платонов 2020: 9].

Аналогия весьма прозрачна: в работе машиниста и в управлении советским государством (а паровоз был его узнаваемым символом) требуются не новые инструкции, предписания, размежевания полномочий, а сложная работа, глубокие знания и опыт. В дальнейшем повествовании рассуждения о «генеральном организационном размеже-

вании», нецелесообразном и губительном, чередуются с описанием ненужных простоев в движении состава: «В Козлове мы стояли больше по регламенту, чем по необходимости <...> поезд не шел – единственно из-за того, чтобы отстоять свое время ради точности расписания» [Платонов 2020: 10].

В «перемонтированном» тексте аллюзивная аналогия «паровоз – государство» заменена на добавленную в текст прямую публицистическую параллель «революция – паровоз». «И Федор Федорович сказал:

– Революция, – как паровоз. И революционеры должны быть машинистами» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

При этом – в результате перестановки размышлений о работе «поездного машиниста» из начала произведения в финал (эпитет «старый» был вычеркнут) – изменилась целевая установка всего текста: вместо диагностики заорганизованности и сбоя в работе железной дороги и государственной машины, требующих исправлений, была предложена «версия» рабочего-ветерана об опасности бюрократизма: «Поезд подходил к станции, тормоза втугачку схватили разыгравшиеся колеса, под вагоном колыхнули вагон стрелки и крестовины станции.

– Вот, слышите, – сказал Федор Федорович. – Ведь если бумажного суслика пустить на паровоз, он поставит там наблюдателя к машинисту. Он втугачку зажмет колеса, из-за бюрократической предосторожности, – колеса революции, и при нем, чего доброго, до социализма доедешь немного позже того момента, когда сам паровоз, ведущий историю, стогрит от форсированной работы, таща поезд волокитой на зажатых тормозах» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

В авантексте к этим выводам приходил рассказчик, направляясь в областной центр.

Значительная часть авторской программы А. Платонова, приглушенной и/или искаженной в тексте, опубликованном в 1928 году, предлагалась в рукописи. Основная часть ее публицистической адресации прямого воздействия была направлена на современность, повторявшей ошибки, совершенные в годы военного коммунизма. «Областные организационно-философские очерки» содержат существенные семантические (и текстуаль-

ные) переклички с романом «Чевенгур»: «Эти люди, оказывается, строили в черноземных краях новый мир – Центрально-Черноземную Область...» [Платонов 2020: 10]. «Я ходил по городу, читал вывески и думал о том немощном адовом дне, по которому сейчас, босая и шагом, идет революция» [Платонов 2020: 17] и др.

Большое значение для писателя имели и более далекие исторические параллели, и «география родных мест», воскрешающая в памяти автобиографические подробности. Показательно, что А. Платонов предпринял частичную ревизию прежних творческих установок, основанных на травестировании агиографического «трафарета» [Алейников 2009: 50–57]. В «Областных организационно-философских очерках» вместо переименованных в «Городе Градове» имен «святых» и «затворников» отдается должное воронежским архиереям, особенно – Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому, принимавших участие в экономическом и духовном развитии края: «Вслед за последними угодниками – Митрофанием Воронежским и Тихоном Задонским – явился Петр Первый, угодник европейской технической цивилизации. Митрофанию Петр был современником, и я в детстве видел золотую карету, хранимую монастырем, в которой царь и святой ездили вместе на воронежскую кораблестроительную верфь. В раннем же детстве я жил в Задонске и слышал от деда, через мать, что некогда в Задонск приезжал Достоевский – посмотреть на знаменитый монастырь, где жил Тихон Задонский, сокровище души Достоевского, как он сам об этом потом писал» [Платонов 2020: 13].

Роль автобиографического дискурса для формирования авантекста и значение «воронежского текста» для реализации окончательного замысла отчасти были предопределены статьей «Фабрика литература», в которой говорилось: «...социальный материал может быть только уже литературным полуфабрикатом, поскольку свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явления некоторый конкретно-словесный образ, поскольку происходит чувственно-ассоциативная реакция, поскольку народ живой человек» [Платонов 2011: 50].

Рассказанное матерью предание о Тихоне Задонском и духовной связи святого старца с Ф. М. Достоевским (в Задонск, кстати, не приезжавшем [Корниенко 2019: 86]), сбереженный в памяти образ почти сказочной кареты, доставлявшей Митрофана Воронежского и Петра I на строительство кораблей (ее изображение на дореволюционной открытке дошло до наших дней), в сущности, были для А. Платонова эмоциональной «ассоциативной реакцией», соединяющей народный взгляд на прошлое с личным жизненным опытом. Писатель не идеализировал былое: Епифаньевские шлюзы, неудачно спроектированные при Петре, недостроенный им канал от Дона до Оки, многовековое бедственное положение крестьян, пополнивших в годы столыпинской реформы ряды «отходников в города и Донбасс», а затем «пришедших в революцию», – все это отражено в историческом экскурсе. Тем очевиднее параллели между «русским Амстердамом», городом, ставшим «степной колыбелью русского флота», и областным центром, главным «достижением» которого является борьба с «губернской ограниченностью» и религией: «в газете <...> были снимки зданий будущих облисполкома, облпрофсовета и прочих емких помещений. Я взгляделся в фотографии: может быть, в камнях есть областная архитектурная стройность, либо отпечатки ума и организационного умения. Затем шли портреты туземно-областных вождей, карта области и заметка об арженской фабрике грубых сукон (в Тамбовской губернии), чтобы газета больше походила на областной орган и не страдала губернской ограниченностью. В хронике отмечалось выступление тов. Терентьева в споре с архиереем. <...> В остальном содержании газета занималась всемирно-историческими вопросами, словно ей было мало той территории – больше Британского королевства, – превращению которой в социалистический кусок она призвана помогать» [Платонов 2020: 15–16].

В напечатанном за двумя фамилиями произведении детские воспоминания о «Воронеже и окрестностях» исключены, имя св. Митрофана, как и его участие в проектах государства, не упоминаются. В отредактированном Б. Пильняком тексте Петру I уже не приписыв-

ается «роль родоначальника лесов местного значения» [Платонов 2020: 14].

Поиск целесообразности и здравого смысла распространялся А. Платоновым не только на современность, но и на историческое прошлое, однако в отредактированном и опубликованном тексте эта стратегия письма была существенно редуцирована.

«Новизна целого – в расположении читаемого» (Ж. Деррида). В воронежский текст, сформированный разными факторами, в том числе присутствием в памяти многих литературных поколений общечтимых святых и Петра Великого, «Областные организационно-философские очерки» не могли полноценно войти из-за редакции, опубликованной в 1928 году. Б. Пильняку явно непросто удавалось исключить органично соединенный с основным повествованием исторический экскурс, чтобы защитить произведение от возможных запретов цензуры.

«Мастер монтажа» пошел на значительные сокращения и привычное для него «обнажение приема», но в данном случае сам прием больше походил на редакторские замечания. В составленной Б. Пильняком и включенной в текст очерка «исторической справке», извлеченной из «пыли веков» [Платонов, Пильняк 1928: 251], рефреном множатся оговорки: «для нас это не важно», «обстоятельство для нас не очень важное», «но и это не важно нам»: «Проходит тут видная от Митрофаньевского монастыря древняя дорога из варяг в греки – Калмиусская Сакма, обстоятельство для нас не очень важное, ибо нечего поминать нам о варягах. Было в этих местах много разных святых, один из них, Тихон Задонский, был даже приятелем русской литературы, – приятельствовал с Федором Михайловичем Достоевским, – но и это не важно нам» [Платонов, Пильняк 1928: 251].

Деятельность Петра I, напротив, не только не умаляется, но и преподносится иначе, чем в рукописи: исключены аттестация Петра как «угодника европейской технической цивилизации», упоминания о проводимой по его указу безжалостной вырубке леса удалены. Очевидно, сказалось здесь и «любовь Пильняка к историческим, „эпохальным“ параллелям и аналогиям» [Ермилов 1929: 64],

и тактические соображения, связанные с подцензурным способом письма.

«В области композиции за Пильняком не числится больших побед, как бы интересны ни были его отдельные эксперименты», – отмечал В. Полонский в статье «Шахматы без короля» [Полонский 1988: 139–140]. Но по сравнению с «линейным» изложением событий у монтажной композиции, использованной в очерке «Че-Че-О», были и преимущества.

Отход от правил линейного повествования позволил отчетливее соотнести эпизоды, значимые для понимания новой «организационной философии». Монтаж приводил к изменению векторов дискурсивности, перестановке семантически значимых эпизодов и – соответственно – к изменению их композиционной оценочности и функциональной роли. Так, например, посиделки мастеровых, говорящих «иносказательно, но точно» о наболевшем, в опубликованной редакции намного резче контрастируют с застольем советских чиновников, обсуждавших с «административной яростью» свои карьерные планы и денежные расчеты. Вместо поезда, где происходят разговоры и встречи со случайными попутчиками, застолье и полемическая беседа чиновников были перенесены «на грешную землю» – в город, где проводится административная реформа. Это обстоятельство придавало эпизоду особую концептуальную роль, акцентированную композицией.

Кроме того, монтажная композиция приводила к манифестации соавторства, нарочитой «диффузии» жанра. В разнообразии очерковой прозы редакторы выделяли две разновидности жанра: очерк мемуарный и очерк

организаторский. Считалось, что мемуарный очерк – это «повествование о непосредственно наблюдаемых автором подлинных явлениях жизни (тем более таких, в которых он участвовал). Такой очерк нельзя писать <...> посредством фантазии или по слухам, по догадкам или предположениям. Нужно встать в непосредственное соприкосновение с жизнью <...> – тогда можно писать очерк. В центр очерка выдвигается сам очеркист: описывая, он свободно отдается воспоминаниям, которые приносят ему именно эти, а не иные подробности и факты. Такой очерк представляет собой разновидность мемуаров с их характерными особенностями: биографизмом, кусочной конструкцией, несрочностью издания <...>. Во втором случае очеркист выступает как организатор определенного отрезка социальной жизни» [Перцов 1930].

Исследование семантических ресурсов авантекста позволило установить: в результате монтажа, сокращений и других изменений произошло «расслоение очерка». Мемуарно-биографическая составляющая была сведена к минимуму, но применена «кусочная конструкция», отчасти напоминающая «путевые заметки», «листки из дневника», востребованные в «Новом мире». Изменения, внесенные в рукопись, способствовали литературной мистификации (до настоящего времени не выявлены документы, подтверждающие поездку в Воронеж летом 1928 года не только Б. Пильняка, но и А. Платонова) и обеспечили возможность публикации «Че-Че-О» как очерка «организационного», соединенного с философским обобщением событий.

Литература

- Алейников, О. Ю. Специфика подцензурного повествования в очерке А. Платонова «Житель родного города» / О. Ю. Алейников // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 2. – С. 91–98.
- Алейников, О. Ю. Специфика трагестирования церковного канона и агиографического «графарета» в повести А. Платонова «Город Градов» / О. Ю. Алейников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 50–57.
- Анпилова, Л. Н. Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х годов / Л. Н. Анпилова. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 244 с.
- Богданов, А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука) : в 2-х кн. Кн. 1 / А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – 304 с. – (Экономическое наследие).
- Богданов, А. А. От философии к организационной науке / А. А. Богданов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 112–118.
- Воловник, М. <Письмо в редакцию> / М. Воловник // Читатель и писатель. Еженедельник литературы и искусства. – 1928. – 14 апр.

- Вьюгин, В. Идеальная текстология (Несколько замечаний к теории и практике критики текста) / В. Вьюгин // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 550–569.
- Грякалова, Н. Ю. Мир письма (Человек пишущий в прозе Бориса Пильняка 1920-х годов) / Н. Ю. Грякалова // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. – М. : Наследие, 1995. – С. 81–90.
- Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.
- Ермилов, В. Буржуазная и попутническая литература / В. Ермилов // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. – М. : Изд-во Коммунистической академии, 1929. – С. 48–81.
- Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. VII, ч. I: Центральная Черноземная область. – СПб. : Товарищество М. О. Вольф, 1900. – 308 с. – (Бесплатное приложение к журналу «Новь»).
- Корниенко, Н. В. Академический Платонов: О комментировании некоторых автобиографических сюжетов / Н. В. Корниенко // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции : сб. трудов. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 84–92.
- Малыгина, Н. М. Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова / Н. М. Малыгина // Avtobiografiya. – 2016. – № 5. – С. 95–115.
- Малыгина, Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артём Весёлый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман / Н. М. Малыгина. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 590 с.
- Н. Н. Библиография. По журналам // На литературном посту. – 1929. – № 1. – С. 65–71.
- <Передовая> // На литературном посту. – 1929. – № 1. – С. 1–6.
- Перцов, В. Расслоение очерка (Очерк организаторский и очерк мемуарный) / В. Перцов // Литературная газета. – 1930. – 3 февр.
- Платонов, А. Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества) / А. Платонов // Платонов А. Фабрика литературы Литературная критика, публицистика. – М. : Время, 2011. – С. 45–56.
- Платонов, А. Областные организационно-философские очерки / А. Платонов // Платонов А. Сочинения. Т. 4. Кн. вторая. 1928–1932. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 7–22.
- Платонов, А. Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки) / А. Платонов, Б. Пильняк // Новый мир. – 1928. – № 12. – С. 249–258.
- Платонов, А. Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой) / А. Платонов // Литературная газета. – 1929. – 14 окт.
- Полонский, Вяч. Шахматы без короля (О Пильняке) / Вяч. Полонский // Вяч. Полонский. О литературе. – М. : Советский писатель, 1988.
- Свительский, В. А. Нормы критики и практика художника (А. Неверов о Б. Пильняке) / В. А. Свительский // Проблемы истории критики и поэтики реализма : межвузовский сборник. Вып. 3. – Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1978. – С. 23–38.
- Свительский, В. А. Наш союзник Андрей Платонов / В. А. Свительский // Литературное обозрение. – 1987. – № 10. – С. 101–103.
- Свительский, В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе / В. А. Свительский. – Воронеж, 1998. – 156 с.
- Сталин, И. В. Сочинения. Т. 11 / И. В. Сталин. – М. : Государственное изд-во полит. лит-ры, 1955. – 381 с.
- Толстая-Сегал, Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов. Мир творчества. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 47–83.
- Хрящева, Н. П. «Кипящая вселенная» Андрея Платонова: Динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов : монография / Н. П. Хрящева. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т ; Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998. – 323 с.

References

- Aleynikov, O. Yu. (2013). Spetsifika travestirovaniya tserkovnogo kanona i agiograficheskogo «trafaret» v povesti A. Platonova «Gorod Gradov» [Specific Features of the Church Canon Travesty and Hagiographic "Stencil" in A. Platonov's Novella "The Town of Gradov"]. In *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. No. 4, pp. 50–57.
- Aleynikov, O. Yu. (2017). Spetsifika podtsenzurnogo povestvovaniya v ocherke A. Platonova «Zhitel'rodnogo goroda» [Specific Features of Censored Narration in A. Platonov's essay "The Dweller of the Native Town"]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 2, pp. 91–98.
- Anpilova, L. N. (2019). *Russkaya versiya ekspressionizma: proza Borisa Pil'nyaka 1920-kh godov* [The Russian Version of Expressionism: The prose of Boris Pil'nyak]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 244 p.
- Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka): v 2-kh kn. Kn. 1* [Tektology (Universal Organization Science), in 2 books. Book 1]. Moscow, Ekonomika. 304 p.
- Bogdanov, A. A. (2003). Ot filosofii k organizatsionnoi nauke [From Philosophy to the Science of Organization]. In *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 112–118.
- Derrida, Zh. (2000). *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference] / transl. by A. Garadzi, V. Lapitskogo. Saint Petersburg, Akademicheskii projekt. 432 p.

- Ermilov, V. (1929). *Burzhuznaya i poputnicheskaya literatura* [Bourgeois and Non-Revolutionary Literature]. In *Ezhegodnik literatury i iskusstva na 1929 god*. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, pp. 48–81.
- Gryakalova, N. Yu. (1995). *Mir pis'ma (Chelovek pishushchii v proze Borisa Pil'nyaka 1920-kh godov)* [The World of Writing (A Writer in the Prose by Pil'nyak)]. In *Opyt segodnyashnego prochteniya*. Moscow, Nasledie, pp. 81–90.
- Khryashcheva, N. P. (1998). «Kipyashchaya vseennaya» *Andreya Platonova: Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov* [The Boiling Universe by A. Platonov: Dynamics of Character Creation and World Cognition in the Writings of the 1920s]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Sterlitamak, Sterlitamaskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 323 p.
- Kornienko, N. V. (2019). Akademieskii Platonov: O kommentirovanii nekotorykh avtobiograficheskikh syuzhetov [Academic Platonov: About Commentary to Some Autobiographic Plots]. In *Andrei Platonov i khudozhestvennye iskaniya XX veka: problemy retseptsii: sbornik trudov*. Voronezh, NAUKA-YuNIPRESS, pp. 84–92.
- Malygina, N. M. (2016). Rol' Borisa Pil'nyaka v pisatel'skoi biografii Andreya Platonova [The Role of Boris Pil'nyak in the Literary Biography of Andrey Platonov]. In *Avtobiografiya*. – No. 5, pp. 95–115.
- Malygina, N. M. (2018). *Andrei Platonov i literaturnaya Moskva: A. K. Voronskii, A. M. Gor'kii, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman* [Andrey Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gor'ky, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 590 p.
- N. N. Bibliografiya. Po zhurnalam [Bibliography. From the Journals]. (1929). In *Na literaturnom postu*. No. 1, pp. 65–71. <Peredovaya> // *Na literaturnom postu* [On the Literary Front]. (1929). No. 1, pp. 1–6.
- Pertsov, V. (1930). Rassloenie ocherka (Ocherk organizatorskii i ocherk memuarii) [Essay Distinctions (Organization Essay and Memoire Essay)]. In *Literaturnaya gazeta*. February 3.
- Platonov, A. (1929). Protiv khalturnykh sudei (Otvét V. Strel'nikovoi) [Against Dishonest Judges]. In *Literaturnaya gazeta*. October 14.
- Platonov, A. (2011). Fabrika literatury (O korennom uluchshenii sposobov literaturnogo tvorchestva) [Factory of Literature (About Global Improvement of the Methods of Literary Creation)]. In *Fabrika literatury Literaturnaya kritika, publitsistika*. Moscow, Vremya, pp. 45–56.
- Platonov, A. (2020). Oblastnye organizatsionno-filosofskie ocherki [Regional Organizational and Philosophical Essays]. In *Platonov A. Sochineniya. Vol. 4. Book 2. 1928–1932. Rasskazy. P'sy. Stsenarii. Stat'i*. Moscow, IMLI RAN, pp. 7–22.
- Platonov, A., Pil'nyak, B. (1928). Che-Che-O (Oblastnye organizatsionno-filosofskie ocherki) [Che-Che-O (Regional Organizational and Philosophical Essays)]. In *Novyi mir*. No. 12, pp. 249–258.
- Polonsky, Vyach. (1988). Shakhmaty bez korolya (O Pil'nyake) [Chess Without the King (About Pil'nyak)]. In *Vyach. Polonskii. O literature*. Moscow, Sovetskii pisatel'.
- Stalin, I. V. (1955). *Sochineniya. T. II* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 381 p.
- Svitel'sky, V. A. (1978). Normy kritiki i praktika khudozhnika (A. Neverov o B. Pil'nyake) [Norms of Critic and Practice of an Artist (A. Neverov about Pil'nyak)]. In *Problemy istorii kritiki i poetiki realizma. Mezhdvuzovskii sbornik. Issue 3*. Kuibyshev, Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 23–38.
- Svitel'sky, V. A. (1987). Nash soyuznik Andrei Platonov [Andrey Platonov Is Our Ally]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 10, pp. 101–103.
- Svitel'sky, V. A. (1998). *Andrei Platonov vchera i segodnya. Stat'i o pisatele* [Andrey Platonov Yesterday and Today. Articles about the Writer]. Voronezh. 156 p.
- Tolstaya-Segal, E. (1994). Ideologicheskie konteksty Platonova [Ideological Contexts of A. Platonov]. In *Andrei Platonov. Mir tvorchestva*. Moscow, Sovremenniy pisatel', pp. 47–83.
- V'yugin V. (2009). Ideal'naya tekstologiya (Neskol'ko zamechanii k teorii i praktike kritiki teksta) [Ideal Textology (Some Remarks to the Theory and Practice of Text Critic)]. In *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 550–569.
- Volovnik M. (1928). *Chitatel' i pisatel'. Ezhenedel'nik literatury i iskusstva* [The Reader and the Writer. A Weekly of Literature and Art]. April 14.
- Zhivopisnaya Rossiya. *Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. VII, ch. I: Tsentral'naya Chernozemnaya oblast'* [Picturesque Russia. Our Motherland in Its Geographical, Tribal, Economic and Everyday Significance]. (1900). Saint Petersburg, Tovarishchestvo M. O. Vol'f. 308 p.

Данные об авторе

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru.

Author's information

Aleynikov Oleg Yur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia).